

УДК: 94(438).04

Прохоренков И.А.¹

**ВОЗВРАЩАЯСЬ К ИСКОННЫМ РУБЕЖАМ:
ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ И ГРАНИЦ МЕЖДУ
РЕЧЬЮ ПОСПОЛИТОЙ И МОСКОВСКИМ ЦАРСТВОМ В ПОЭЗИИ
МАРЧИНА ПАШКОВСКОГО²**

Институт истории Санкт-Петербургского государственного университета

Prohorenkov I.A.

**THE RETURNING TO THE ORIGINAL BOUNDARIES: PROBLEMS OF
RELATIONSHIPS AND FRONTIERS BETWEEN POLISH-LITHUANIAN
COMMONWEALTH AND MUSCOVY IN THE POETRY BY
MARCIN PASZKOWSKI**

Institute of History, St. Petersburg State University

Реферат: Статья посвящена разбору и анализу антимосковского творчества Мартина Пашковского — поэта, известного российским историкам, прежде всего, в качестве соавтора хроники Александра Гваньини. В поэзии Пашковского были запечатлены современные автору реалии польско-русских отношений. На страницах своих произведений поэт создал сложную историко-культурную концепцию, объясняющую необходимость захвата и реколонизации территорий Московского царства Речью Посполитой. Мартин Пашковский в польской литературе занимает значительную нишу среди авторов, требовавших немедленное вмешательство польских войск в события русской Смуты.

Ключевые слова: Мартин Пашковский, Смутное время, Турцики.

Abstracts. The article is devoted to the review and analysis of anti-Moscow poetry by Marcin Paszkowski. This poet is primarily known for historians as a co-author of the Alexander

¹ Прохоренков Игорь Александрович — магистр истории, лаборант-исследователь, аспирант ИИ СПбГУ по образовательной программе «История».

² Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ в рамках проекта проведения научных исследований: «Свои» и «чужие»: феномен пограничья в средние века и раннее новое время в Восточной Европе как фактор формирования социо- и этнокультурной идентичности населения регионов», проект 15-21-01003 а(м).

Guagnini's chronicle. In the Paszkowski's poetry were imprinted the realias of the relationships between the Russian and Polish governments. Paszkowski on the pages of his works created a complex historical and cultural concept, which explained the necessity of capturing and recolonization the territories of Muscovy by Polish-Lithuanian Commonwealth. Marcin Paszkowski holds a significant position among the authors, who demanded the immediate intervention of the Polish forces into the Muscovite state during the «Time of Troubles» period.

Key words: Marcin Paszkowski, Time of Troubles, Turcyki.

В истории восточноевропейского региона вторая половина XVI века была ознаменована существенными геополитическими изменениями, связанными, прежде всего, с Ливонской войной (1558—1583). В ходе борьбы за передел прибалтийских земель Королевство Польское и Великое Княжество Литовское объединились в новый политический организм — Речь Посполитую (1569), исчез с лица земли Немецкий орден в Ливонии — последнее государство северных рыцарей-крестоносцев, а сама Прибалтика была поделена между Швецией и Польшей [1, с. 18—20; 2, с. 247]. Важно отметить, что также в ходе Ливонской войны Московское государство впервые столкнулось с коалицией европейских держав, что позволяет трактовать эту кампанию как первую войну между Россией и Европой [8, с. 7—8].

Таким образом, к исходу XVI века на востоке Европы существенно изменился баланс сил: между Швецией, Речью Посполитой и Московским Царством сложились новые порубежные участки с общими границами, а неудовлетворенность результатами Ливонской войны стала залогом будущих пограничных конфликтов¹.

Кроме эксплицитных изменений на политической карте региона, Ливонская война также вызвала и существенные перемены в интеллектуальной и общественно-культурной жизни населения государств-участников этого крупного военного конфликта. В частности, в Речи Посполитой можно выявить целый ряд хронистов, писателей-публицистов и поэтов, чьи творческие судьбы в определенной мере были обусловлены Ливонской войной — среди них выделяются такие персоны, как комендант Витебских замков, итальянский наемник и автор хроники «Sarmatiae Europaeae descriptio» Александр Гваиньни, служивший под его началом талантливый историограф Великого княжества Литовского [7, с. 69—70] Матей Стрыйковский, поэты и ветераны боевых действий против московских

¹ Между Швецией и Польшей в 1600—1629 годах произошла целая серия войн за новый передел Прибалтики. Множеством нерешенных вопросов осложнялись и отношения между Москвой и Краковом: поляков возмущали щадящие, по их мнению, условия Ям-Запольского перемирия, так как в сфере амбиций Речи Посполитой были такие крупные русские города как Смоленск и Псков.

войск Андрей Рымша и Елиаш Пельgrimовский. Марчин Пашковский — обедневший польский шляхтич, вынужденный заниматься поэзией, а также главный герой настоящей статьи, по всем параметрам подходит к приведенному выше ряду авторов.

Марчин Пашковский герба Задора (*herbu Zadora*) — малоизвестный польский поэт рубежа XVI и XVII веков, который кроме своего творчества еще интересен и тем, что в его биографии реальные факты и вымысел сплелись так тесно, что исследователи не могли их разделить вплоть до недавнего времени. Фигура Пашковского представляет интерес для многих областей гуманитарного знания: филологам он известен как талантливый поэт, лингвистам — как создатель одного из первых турецко-польских словарей [15, с. 50], профессиональные же историки видят в нем, прежде всего, хрониста и соавтора трактата Александра Гваньини [6, с. 196—198]. Этот автор оставил о себе столько разрозненных известий, что исследователи его биографии иногда предполагают возможность существования одновременно сразу нескольких Марчинов Пашковских [18, с. 705—706].

Мы не знаем ни точной даты рождения, ни года смерти Пашковского. Даже опубликованная в 2012 году монография Михала Курана «*Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku*» [11], которую мы считаем самым выдающимся исследованием творчества и биографии польского поэта, не смогла точно реконструировать жизненный путь Пашковского [6, с. 193—195]. Тем не менее, профессором М. Кураном была проведена огромная работа по ревизии всех дошедших до нас сведений о Марчине Пашковском: выделены факты, вызывающие доверие исследователей, а также развенчан ряд предположений полностью мифологического характера.

Известные документальные источники о Марчине Пашковском носят единичный характер. Прежде всего, здесь стоит упомянуть о находке польского историка Теодора Вержбовского, который выявил и связал с именем поэта документ от 20 мая 1593 года, подтверждающий права Марчина Пашковского, «*veterranum in Livonia militem*»¹, на владение землей в Прибалтике — «*grawa... do dobr Lasfa I Wyrulewszizna*» [13, с. 303]. Вероятнее всего, в самом начале польско-шведских войн в 1600-1629 годах Пашковский лишается своих имений, что вынуждает его искать для себя новые финансовые источники и подталкивает к занятиям поэзией. О крайне бедственном материальном положении Пашковского в первом десятилетии XVII века писало множество ученых: Ф. Шарчиньский отмечал, что поэт «писал не для славы, но для прибыли... судьбу свою рифмами поправить хотел... и имел доход столь низкий, что едва мог оплатить бумагу и перья» [14,

¹ Лат: «ветерана войн в Инфлянтах»

с. 62], а И. Юшинский неоднократно называл Пашковского «ubogim poetą» [10, с. 47], ссылаясь на его автобиографические заметки в произведениях.

Начиная с 1608—1609 года благосостояние поэта идет в гору: его поэзия получает признание, а сам Пашковский обретает могущественных покровителей. Исследуя посвящения произведений Пашковского, польский историк-энциклопедист Вацлав-Александр Мацеёвский установил связи поэта с его крупнейшими меценатами — Любомирскими, Млодзевскими, Плазами и т.д. Благодаря знакомству Пашковского с Яном Плазой (Janem Płazą), поэт какое-то время служил в канцелярии Вавельского Замка, что также документально подтверждено [12, с. 529]. В основном именно с Краковом и был связан творческий период жизни Пашковского. В 1621 году выходит последнее из известных его произведений. В историографии эта дата зачастую считается условным годом смерти поэта, так как после него нам ничего больше неизвестно о судьбе Марчина Пашковского.

Крайне интересной мифологемой, вызывающей споры вплоть до сегодняшнего дня, остается, так называемая, «восточная» или «турецкая» версия биографии Пашковского. Суть ее в следующем: опираясь на заметки авторов энциклопедий XVIII—XIX веков и принимая во внимание особый интерес поэта к турецким сюжетам, некоторые исследователи предполагали, что Марчин Пашковский либо был миссионером на Украине, где плотно общался с турками, либо же бывал в Стамбуле в роли посла и/или пленника.

В творчестве поэта преобладает, прежде всего, ориентальная тематика — в связи с этим автор «Библиотеки забытых поэтов и прозаиков польских» [16] Теодор Вержбовский предложил по-новому взглянуть на историю жизни Пашковского. Историк полагал, что авторство антитурецкой поэмы-хроники «Венеция» (1575) Криштофа Варшевицкого вполне можно приписать и нашему поэту [17, с. 5]. Аргументировал он это следующим образом: во-первых, поэма посвящена Валенту Дембиньскому (Walenty Dembiński), с чьим домом Пашковский был тесно связан, а во-вторых, по стилистике работа была близка всем остальным произведениям поэта. Развивая свою идею, исследователь задается следующим вопросом: почему после написания «Венеции» Марчин Пашковский замолк без малого на тридцать лет и возобновил активную литературную деятельность только лишь в 1608 году? Как ни странно, но такой хронологический разрыв используется Вержбовским как раз в качестве доказательства своей теории. По его мнению, поэт участвовал либо в турецком посольстве Анджея Тарановского, либо в 1572 году был членом валашской экспедиции Миколая Мелецкого. В результате своего участия в одном из этих предприятий Пашковский попадает в более чем тридцатилетний турецкий плен. Накоп-

ленные на чужбине опыт и мотивы личной мести как раз и подтолкнули поэта после своего освобождения заняться, прежде всего, именно антитурецкой публицистикой. Увы, но и эта теория базируется только лишь на логических построениях исследователя и не находит никаких других подтверждений.

«Восточная» версия биографии Пашковского может удивить историков одной своей особенностью: являясь наименее *аргументированной* из всех, она, тем не менее, до сих пор остается наиболее *распространенной*. Так, например, эта теория достаточно популярна в украинской историографии, где Пашковский прямо объявляется поэтом украинского происхождения и борцом с турецкой угрозой, волей случая оказавшимся в Кракове [4].

Однако стоит отметить, что хоть ориентальная тематика и составляет магистральное направление в творчестве Пашковского (и не только в антиосманских произведениях — перо поэта превратило Московское царство в восточную деспотию по турецкому образцу, о чем речь пойдет далее), но, тем не менее, едва ли автор когда-либо бывал южнее или восточнее Русского воеводства Речи Посполитой. Вероятнее всего, Марчин Пашковский был, выражаясь в современных терминах, «кабинетным ученым» и всю информацию для своих работ черпал из третьих рук — так, например, недавние исследования турколога Марека Стаховского указывают на то, что Пашковский (составитель первого польско-турецкого словаря!) даже никогда не контактировал с носителями турецкого языка и сам им владеть не мог [15, с. 50].

Так или иначе, вовсе не только антитурецкая полемика была излюбленной темой Марчина Пашковского. Ничуть не меньше творческих сил автор приложил к литературной борьбе против, по мнению поэта, главного, самого близкого и самого опасного врага польско-литовского государства — против Московского царства. Перу Пашковского принадлежит серия литературных произведений, носящих яркий антимосковский характер — это поэмы «Wykład bogiń słowieńskich...», «Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza...», «Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych...», а также краткая рифмованная заметка из хроники Александра Гваньини — «Opisanie wzięcia Smoleńska...» [5, с. 29—30]. Отметим, что это самые ранние его работы, которые, во многом, и принесли поэту известность.

Все эти произведения хоть и посвящены разным сюжетам, но тематически формируют определенную целостность: названные литературные труды объединяет идея укрепления внутреннего единства польско-литовского государства и поворота военной экспансии на восток. Полемика Пашковского против Москвы имеет даже более острый характер,

чем его антитурецкие произведения: во-первых, ветеран Ливонской войны мог иметь свои личные причины, объясняющие его неприязнь к Московскому царству, во-вторых, работы поэта были крайне злободневными, так как печатались в период открытого вмешательства польско-литовских сил в события русской Смуты, в третьих, призывая шляхту на войну, автор оперировал не только такими распространенными литературными топосами, как необходимость войны Цивилизации против Варварства и правоверных христиан против восточных схизматиков, но и ставил перед читающей аудиторией реальные и болезненные вопросы — вопросы границы и нанесенных москвитями обид Речи Посполитой.

Для оправдания расширения границ польско-литовского государства за счет своего восточного соседа, Марчин Пашковский создает любопытную мифологическую концепцию истории восточноевропейского региона, которая выглядит следующим образом. В незапамятной древности пространство от Вислы на западе и до Волги на востоке заселяли племена сарматов, давшие начало польскому народу. Отдавая должное их храбрости и добродетельности, богиня Афина лично взяла эти племена под свое покровительство и провозгласила абсолютные права сарматов на эти территории, что было закреплено в самом хорониме «Сарматия» — «*Za tą sprawą granice Sarmacja swoje rozciągnęła szeroko między morza dwoje*»¹ (*Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych...* P. 5). Пашковский называет этот период «золотым веком» славянской истории, апеллируя к схеме четырех веков (золотой, серебряный, медный и железный) истории человечества, описанной Овидием в его «Метаморфозах» [11, с. 144—145].

Но время шло, века сменялись один другим, а с ними меркло и могущество сарматов. Пашковский однозначно указывает на причину ослабления сарматских племен, неоднократно называя ее «язвой несогласия» (*Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych...* P. 8). Отметим, что этот же диагноз поэт поставил и современной ему Речи Посполитой — вместо обороны своих рубежей шляхетные рыцари погрязли в междоусобицах, и на смену миру и согласию пришли:

«*Powstaną, gwałty, mordy, krwie rozlania wielkie,
Mężobójstwa, uciski, insze zbytki wszelkie*»²

(Wykład bogiń słowieńskich... P. 4)

Все это привело к тому, что в железный век, современником которого уже был сам Пашковский, ранее единые земли из сарматского наследия были расколоты — Сарматия

¹ Польск.: «По своей воле я границы своей Сарматии расширила от моря до моря (между двух морей)»

² Польск.: «Бунты, насилие, убийства, великие кровопролития, расправы, бедствия и прочие различные»

начала делиться на «Европейскую» и «Азиатскую». Но хоть и разделенные между собой, земли-осколки сарматского наследства имели одну общую судьбу: Марчин Пашковский констатировал, что беды, вызванные в Речи Посполитой рокошем Зебжидовского и в Московском царстве походом Лжедмитрия II — это явления одного порядка:

Lecz nadewszystko jaśniej sześć prowincyj zacnych
Poruszy się i przez trzy lata będą w znacznych
Rozruchach, mianowicie **M troje i P troje**¹,
Od tych liter królestwa zaczynają swoje
Nazwiska²

(Wykład bogiń słowieńskich... P. 5)

По мнению Пашковского, единая Сарматия состояла из 6 областей, в железный век разделенных на два противоборствующих лагеря: в первый — «П-три» - вошли области, подконтрольные полякам — это Польша, Литва и Русь. Под «М-три» же поэт понимал Московское, Казанское и Астраханское царства [9, с. 339]. Мартин Пашковский писал о том, что беды в этих областях не прекратятся, пока все земли снова не соберутся в формате единой Сарматии. Разумеется, народом-собирателем земель Пашковский считал вовсе не московитов, но поляков. Поэт декларировал, что можно снова вернуть золотой век — как только Сарматия вновь станет единой, волнения, бунты и внутренние неурядицы исчезнут сами собой. Таким образом, завоевание Москвы — возвращение к исконным границам — называлось Пашковским первостепенным вопросом для Речи Посполитой уже в 1608 году в одном из самых первых из опубликованных им произведений.

Тему завоевания восточного соседа и собирания сарматских земель автор продолжил и развил в своем наиболее ярком антимосковском произведении — «Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza...». Поэма, напечатанная в двух редакциях в 1608-м году [11, с. 155—158] (и переизданная в 1611), текстологически хорошо была разобрана Михалом Кураном. Тем не менее, в точке, где работа филолога заканчивается, труд историка может еще только начинаться. Автор монографии «Marczin Paszkowski...» наглядно показал, что поэма «Posiłek Bellony słowieńskiej...» едва ли может быть названа оригинальным произведением — в ее основе лежат практически дословные заимствования из трудов Матея Стрыйковского и Себастьяна Фабиана Клёновича [11,

¹ Выделено автором — *И.П.*

² Польск.: «Но, прежде всего, 6 славных провинций взбунтуются, и в течении трех лет будут в великих бедах, а именно три «М» и три «П» — От этих букв королевства начинают свои названия»

с. 157—160]. Иными словами, уже в начале своей литературной карьеры Марчин Пашковский шел на прямой плагиат чужих текстов. Такие факты для литературоведов существенно обесценивают значимость творческого наследия изучаемых поэтов — в связи с этим в разных справочных изданиях Пашковский часто награждается такими эпитетами как «второстепенный» или «посредственный» [9, с. 337] автор. Позиция же историка в этом вопросе иногда существенно отличается, и случай с поэмой Пашковского «*Posiłek Bellony słowieńskiej...*» это прекрасно иллюстрирует. Мы даже беремся утверждать, что прямая зависимость текста Пашковского от трудов его более знаменитых коллег-поэтов представляется нам одним из главных достоинств его поэмы.

В первой четверти XV-го века (за условную отправную точку мы берем творчество Миколая Ласоцкого (Mikołaj Lasocki) в польской литературе формируется особый жанр антитурецкой публицистики — так называемые турцики (*turcyki, turkiany*). Ко времени расцвета творчества Пашковского стилистические приемы этого жанра были уже отточены до мелочей такими знаменитыми авторами как Станислав Оржеховский, Кристоф Варшевицкий, Бартош Папроцкий и многими другими.

Как уже упоминалось раньше, Пашковский в своей поэме «*Posiłek Bellony słowieńskiej...*» пытается подражать Себастьяну Фабиану Клёновичу — известному поэту и публицисту антитурецкой тематики, творившему на рубеже XVI и XVII веков, а также черпает материал из работ одного из крупнейших историографов ВКЛ — Матея Стрыйковского. Позаимствовав изрядное количество текста из турчика Клёновича «*Pozag wojny tureckiej...*» и генеалогической поэмы Стрыйковского «*Goniec spoty...*», Марчин Пашковский делает очень интересный авторский шаг — поэт пишет антимосковское произведение, используя стилистические каноны турчиков. Иначе говоря, Пашковский в *антитурецкую* форму сумел поместить *антимосковское* содержание, таким образом, объявляя полную тождественность двух этих государств.

Вопрос статуса Московского государства задолго до творчества Пашковского интересовал польских интеллектуалов. Существовало множество точек зрения [3, с. 10—14]: от признания Москвы «младшим братом» Польского и Чешского государств до теории обособленного происхождения москвитов. Так или иначе, в основном всеми авторами признавалась возможность какого-либо культурного диалога с Москвой. Взгляды Марчина Пашковского были куда более радикальны: сам выбор турчика как формы повествования призван показать читателю, что Москва мало чем отличается от Турции, с ней невозможны иные отношения, кроме как с позиции силы. Москвиты, захватившие часть зе-

мель из древнего сарматского наследства должны быть уничтожены, и тогда области, подконтрольные Москве, снова вольются в состав сарматской Речи Посполитой — поэт снова обращается к своим идеям возвращения золотого века.

На протяжении текста всей поэмы автор старается убедить читателя в тождественности московской и турецкой угрозы, в связи с чем и была выбрана литературная форма турчика. Хотя поэт перенимал большие массивы текста у других авторов, тем не менее, заимствования подвергались определенной правке со стороны Пашковского. Иногда даже несколько добавленных поэтом слов существенно меняли смысл заимствованного фрагмента:

Таблица 1. Сравнение фрагментов произведений М. Пашковского и С. Клёновича

Пашковский. «Posiłek Bellony słowieńskiej...»	Клёнович. «Pożar wojny Tureckiej...»
<p>Tak niech upadnie ta władza tyrańska, Zdrajców Moskiewskich, i srogość pogańska¹ (Стихи 5—8)</p>	<p>Niech na trąbienie upandie tyrańska Władza a sceptrum, i moc Ottomańska (Стихи 435—436)</p>

На протяжении всей поэмы Пашковский полностью сохраняет антитурецкий текст, меняя в нем только слова по принципу «турецкий = московский», «султан = царь», «мусульмане = московиты» и так далее. Особо часто нападкам со стороны поэта подвергается Московский правитель:

Таблица 2. Сравнение фрагментов произведений М. Пашковского и С. Клёновича

Пашковский. «Posiłek Bellony słowieńskiej...»	Клёнович. «Pożar wojny Tureckiej
<p>Nie mogąc pozbyć Boga żądzej wieści, Baśni mieszając, prawdziwe powieści Pieje: tak mnie też Muza prze do tego, Bym głosił zdrajcy upadek Szuyskiego² (Стихи 20—24)</p>	<p>Nie może pozbyć Boga, lecz straszliwe Baśni mieszając, powieści prawdziwe Pieje: tak mnie też Muza prze do tego, Bym pisał klęskę tyrana Thrackiego. (Стихи 23—26)</p>

¹ Польск.: Так пусть же падет та тиранская власть и языческая жестокость Московских изменников»

² Польск.: «Так меня муза вдохновляет на то, чтобы [я] провозглашал падение предателя Шуйского»

В работе Мартина Пашковского центральное положение занимает фигура царя. Напомним, что поэма вышла в 1608-м году и была призвана вдохновить шляхту на поддержку «Дмитрия Ивановича Московского Царя против Шуйского и других изменников». По замыслу Пашковского, не могло быть более удачного момента для восстановления исконных сарматских границ: настоящий московский царь находится в Польше, в то время как на Московском престоле бесчинствует самопровозглашенный тиран и его приспешники — если шляхетное рыцарство протянет руку помощи Дмитрию Ивановичу, то он после своего воцарения обязательно либо сделает территориальные уступки в сторону Польши, либо полностью возвратит свои земли в состав Речи Посполитой. Руководствуясь именно такой идеей, Пашковский призывает рыцарей скорее оказать помощь Дмитрию Ивановичу и вливаться в его войско: «*Oto chorągiew Cara prawdziwego*» (у Клёновича «*Oto chorągiew fenrycha zacnego*»).

Некоторые части поэмы читателю могут показаться парадоксальными. Марчин Пашковский предлагает помочь законному царю вернуть себе свой престол, но при этом... призывает «затопить кровью» царских подданных все московские земли:

Таблица 3. Сравнение фрагментов произведений М. Пашковского и С. Клёновича

Пашковский. « <i>Posiłek Bellony słowieńskiej...</i> »	Клёнович. « <i>Pożar wojny Tureckiej</i> »
Niechaj karmi zwierz i ptactwo łakome, Od was złej Orze wojsko porażone. Niech się czerwienią doły i potoki, Od krwi moskiewskiej , od zsiadłej posoki ¹ (стихи 253—256)	Niechaj karmi zwierz i ptactwo łakome, Od Chreścijanów wojsko porażone. Niech się czerwienią doły i potoki, Od krwi Tureckiej , od zsiadłej posoki. (стихи 53—56)

Так в тексте Пашковского выглядит расплата за все «шкоды», учиненные москвитями полякам. Московское царство должно войти в состав Речи Посполитой и быть подвергнуто полному переустройству. В поэме Пашковского содержится настоящий план по колонизации развитым польско-литовским государством более отсталого восточного соседа. В тексте поэмы приводится обличение политического устройства Москвы через его сравнение с порядками Речи Посполитой [11, с. 167—168]: варварская деспотия и блистательная республика, восточное рабство против европейских прав и свобод, хитрое алчное боярство и его антипод — славное добродетельное шляхетство. Если после «переустрой-

¹ Польск.: «Пусть кормят зверей и насыщают птиц павшие под Оршей вражеские войска. Пусть покраснеют равнины и реки от московской крови, от их загустевшего гноя»

ства» полностью исчезнут московиты, то, по мнению Пашковского, это пойдет даже на пользу будущему единому сарматскому государству.

Желая вдохновить шляхетное рыцарство на войну с могучим восточным врагом, Пашковский по всем канонам ренессансной литературы приводит в пример ряд героев из античной и более поздней истории, перед которыми уже стояла схожая миссия. Любопытно, но центральное место в этом ряду занимает Георгий Кастриоти — знаменитый Скандербег. Акцентируя внимание на деяниях этой персоны, Пашковский в который раз подчеркивает родственный характер московского и турецкого народов:

Już on, Skanderbeg, rycerz zacny Boży,
Jak Turkow wielkość bił, brał ich obozy:
Osiemdziesiąt tysięcy, pięć swych porażał,
Złych sąsiad męstwem i fortelem prażał.¹

(стихи 112—116)

В определенный момент российской истории могло показаться, что заложенные в поэзии Пашковского планы действительно сбываются — в 1610 году боярским правительством в Москве Владислав IV был провозглашен царем. Однако действия первого и второго народного ополчений, и, как следствие, воцарение Михаила Федоровича Романова поставили крест на идеях Пашковского: поляки не смогли территориально продвинуться на восток дальше Смоленска.

В 1613 году выходит поэма Мартина Пашковского «Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych...», в который мы последний раз можем услышать антимосковские призывы автора. Пашковский снова обращается к теме справедливых границ. Сами слова «границы» и «рубежи» очень часто повторяются поэтом, они для него — важнейшая ценность, так как получены в наследство от прародителей-сарматов. В этом произведении уже полностью отсутствуют утопические планы по завоеванию Москвы, территориальные амбиции поэта имели куда более скромный вид:

«Rubieże tam swe maiąc ze wsząd oznaczone,
Z Nowogroda i Pskowa po Uhre pomknione.
Za Kijowem sześćdziesiąt mil, aż do Putwila,
Od Połocka po Mozajsk ośmdziesiąt i mila,

¹ Польск.: «Уже он, Скандербег, славный Божий рыцарь побеждал неисчислимых турок и захватывал их лагерь. Восемьдесят тысяч турок уничтожил своими пятью, злых соседей своим мужеством и искусством поражал»

Z Witebska mil siedmdzieśiąt aż do Nowogroda
Granice wasze byli, dziś w nich wielka szkoda»¹
(стихи 237—242)

Однако даже эти планы уже оказались невыполнимыми для Речи Посполитой — к «исконным сарматским границам» вернуться не получилось. В XVII веке уже не Польша увеличивала свою территорию за счет Российского государства, но протекали полностью обратные процессы. В заключении стоит заметить, что провозглашенные поэтом планы по собиранию «сарматских» областей все-таки сбылись, и земли, названные самой Афиной «Сарматией», действительно были собраны воедино. Однако, если бы Марчину Пашковскому было ведомо будущее, то оно повергло бы его в страшное изумление — Сарматия была объединена, но сделано это было не руками польского монарха, а волей российской императрицы Екатерины II Великой после трех разделов Речи Посполитой. Особенно любопытно отметить, что действительно время правления этой императрицы в историографии иногда называется золотым веком Российской Империи. Если рассматривать историю с этого ракурса, то Марчин Пашковский действительно оказался прав: собравший воедино земли из сарматского наследства обрел свой золотой век.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Paszkowski M. Wykład bogiń słoweńskich, wesołego widzenia słońca z Panną, w złotym kole nad Krakowem: roku Pańskiego 1608. 11 s.
2. Paszkowski M. Posiłek Bellony słowieńskiej szlachetnemu rycerstwu Dymitra Iwanowicza W[ielkiego] Cara Moskiewskiego przeciwko Sujskiemu i inszym zdrajcom jego. W Krakowie, roku Pańskiego 1608. 14 s.
3. Paszkowski M. Wizerunk wiecznej sławy Saurmatow starych, pobudzający młódz rycerską ku naśladowaniu spraw ich. Od szlachetnej Pallady, z Gniazda cnót ich, w ojczystym Parnasie wbudowany. A przez Marcina Paszkowskiego, z przykłady mężów rzymskich, onych wielkich miłośników Ojczyzny, opisany i wydany. Hic sibi delegit sedem pulcherrina virtus, Hinc sua Sauromatas, fors super astra vehit. W Krakowie, u dziedziców Jakuba Siebeneichera, roku Pańskiego 1613. 26 s.

¹ Польск.: «Рубежи свои держали, исстари становленные, от Новгорода и до Пскова по Угре протянувшиеся. За Киевом 70 миль до Путивля, от Полоцка до Можайска 80 и [одна] миля, от Витебска семьдесят миль [в направлении] Новгорода—тобыливаши границы, в которых теперь имеет большие потери»

4. Guagnini A. Kronika Sarmacyey Europskiej, w ktorey sie zamyka krolestwo Polskie: Tudziej tez Wielkie Xiestwo Litewskie, Ruskie, Pruskie, Zmudzkie, Inflantskie, Moskiewskie y czesc Tatarow z Lacinskiego na Polskie przelozona (par Marcin Paszkowski) / Alex. Guagnini; Marcin Paszkowski. Krakow, 1611. 333+124+47+66+55+93+38+87 (843) s.

5. Klonowic S.F. Pożar wojny Tureckiej. Upominanie do gaszenia i wróżka o upadku mocy tureckiej, [b.m.] 1597. Przedr. Dzieła Fabiana Sebestyana Klonowicza, wyd. Bobrowicz J-N. T. II. Lipsk, 1836. S. 137—158.

6. Strykowski M. Goniec cnoty do prawych slachciczow w którym są przykłady spraw mężow zacnych. Przytym napominanie Oyczyzny ku prawdziwym synom. Kraków, Maciej Wirzbięta, 1574. 41 s.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Вебер Д. И. Немецкий орден в Ливонии от Реформации до секуляризации: дис. канд. ист. наук. СПб., 2014. 260 с.

2. Вебер Д. И. Формирование конфессиональных границ Польши и Великого Княжества Литовского // Религия. Церковь. Общество. СПб., 2015. № 4. С. 246—266.

3. Карнаухов Д. В. Moshi unde: развитие представлений о происхождении «московского народа» в польской историографии эпохи Возрождения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 10—14.

4. Пилипенко В. Мартин Пашковський — забутий український поет і публіцист початку XVII ст. // Сіверянський літопис. 2008. № 5. С. 11—18.

5. Прохоренков И.А. «Наши в сумраке багровом к стенам с бомбами пришли...». Штурм Смоленска глазами польского поэта // Родина. 2013. № 9. С. 29—30.

6. Прохоренков И.А. Загадка соавтора «Хроники Европейской Сарматии» Александра Гваньини (по поводу книги Михала Курана «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // Studia Slavica et Balcanica Petropolitana. 2014. № 1. С. 193—205.

7. Семянчук А. Беларуска-літоўскія летапісы і польскія хронікі. Гродна: ГрДУ, 2000. 163 с.

8. Филюшкин А.И. Изобретая первую войну России и Европы. Балтийские войны второй половины XVI века глазами современников и потомков. СПб.: Дмитрий Буланин, 2013. 880 с.

9. Czubek J. Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego, 1606—1608. T. 1. Poezya rokoszowa. Kraków, 1916. 407 s.
10. Juszyński H. Dykcjonarz poetow polskich. T. 2. Kraków, 1820. 615 s.
11. Kuran M. Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku. Łódź, 2012. 664 s.
12. Maciejowski W. A., Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830. T. 3. Warszawa, 1852. 653 s.
13. Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich, zebrał T. Wierzbowski. T. 1: 1398—1600. Warszawa, 1900. 339 s.
14. Siarczyński F. Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem. T. 2. Lwów, 1828. 533 s.
15. Stachowski M. Marcin Paszkowski's Polish and Turkish dictionary (1615). *Studies in Polish Linguistics*, vol. 8, 2013, issue 1. S. 45—56.
16. Wierzbowski T. Biblioteka Zapomnianych Poetow i Prozaików Polskich XVI—XVIII wieku. Warszawa, 1886. 917 s.
17. Wierzbowski T. Wstęp, Wenecya. Poemat historyczno-polityczny z końca XVI wieku. Warszawa, 1886. 41 s.
18. Załęski S. Jezuici w Polsce. T. 2. Lwów, 1901. 851 s.

REFERENCES

1. Veber D. I. Nemeckij orden v Livonii ot Reformacii do sekuljarizacii: dis.. kand. ist. nauk. SPb., 2014. 260 s.
2. Veber D. I. Formirovanie konfessional'nyh granic Pol'shi i Velikogo Knjazhestva Litovskogo // *Religija. Cerkov'. Obshhestvo*. SPb., 2015. № 4. S. 246—266.
3. Karnauhov D. V. Moshi unde: razvitie predstavlenij o proishozhdenii «moskovskogo naroda» v pol'skoj istoriografii jepohi Vozrozhdenija // *Gumanitarnye nauki v Sibiri*. 2009. № 2. S. 10—14.
4. Pilipenko V. Martin Pashkovs'kij — zabutij ukraïns'kij poet i publicist pochatku XVII st. // *Siverjans'kij litopis*. 2008. № 5. S. 11—18.
5. Prohorenkov I.A. «Nashi v sumrake bagrovom k stenam s bombami prishli...». Shturm Smolenska glazami pol'skogo pojeta // *Rodina*. 2013. № 9. S. 29—30.
6. Prohorenkov I.A. Zagadka soavtora «Hroniki Evropejskoj Sarmatii» Aleksandra Gvan'ini (po povodu knigi Mihala Kurana «Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i

moralista z pierwszej połowy XVII wieku») // *Studia Slavica et Balcanica Petropolitana*. 2014. № 1. S. 193—205.

7. Semjanchuk A. *Belaruska-litoŭskija letapisy i pol'skija hroniki*. Grodna: GrDU, 2000. 163 s.

8. Filjushkin A.I. *Izobretaja pervuju vojnu Rossii i Evropy. Baltijskie vojny vtoroj poloviny XVI veka glazami sovremennikov i potomkov*. SPb.: Dmitrij Bulanin, 2013. 880 s.

9. Czubek J. *Pisma polityczne z czasów rokoszu Zebrzydowskiego, 1606—1608*. T. 1. *Poezya rokoszowa*. Kraków, 1916. 407 s.

10. Juszyński H. *Dykcjonarz poetow polskich*. T. 2. Kraków, 1820. 615 s.

11. Kuran M. *Marcin Paszkowski — poeta okolicznościowy i moralista z pierwszej połowy XVII wieku*. Łódź, 2012. 664 s.

12. Maciejowski W. A., *Piśmiennictwo polskie od czasów najdawniejszych aż do roku 1830*. T. 3. Warszawa, 1852. 653 s.

13. *Materiały do dziejów piśmiennictwa polskiego i biografii pisarzy polskich, zebrał T. Wierzbowski*. T. 1: 1398—1600. Warszawa, 1900. 339 s.

14. Siarczyński F. *Obraz wieku panowania Zygmunta III, króla polskiego i szwedzkiego, zawierający opis osób żyjących pod jego panowaniem*. T. 2. Lwów, 1828. 533 s.

15. Stachowski M. *Marcin Paszkowski's Polish and Turkish dictionary (1615)*. *Studies in Polish Linguistics*, vol. 8, 2013, issue 1. S. 45—56.

16. Wierzbowski T. *Biblioteka Zapomnianych Poetow i Prozaikow Polskich XVI—XVIII wieku*. Warszawa, 1886. 917 s.

17. Wierzbowski T. *Wstęp, Wenecya. Poemat historyczno-polityczny z końca XVI wieku*. Warszawa, 1886. 41 s.

18. Załęski S. *Jezuici w Polsce*. T. 2. Lwów, 1901. 851 s.

Рецензенты:

Филюшкин А.И., докт. ист. наук, профессор, зав. каф. истории славянских и балканских стран Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Вебер Д.И., канд. ист. наук, ассистент кафедры религиоведения Института философии Санкт-Петербургского государственного университета.